

С. Н. Жеребцов

**Психология
переживаний личности
в динамике культуры**

Античность

Средневековье

Возрождение

Мозырь
«Содействие»
2013

Жеребцов, С. Н. Психология переживаний личности в динамике культуры : Античность, Средневековье, Возрождение / С. Н. Жеребцов. — Мозырь : Содействие, 2013. — 184 с. — ISBN 978-985-520-717-8.

В монографии обосновывается необходимость культурно-исторического анализа в раскрытии сущности и феноменологии переживаний. Культурно-исторический подход выступает не только адекватным гносеологическим основанием исследования переживаний, но и онтологическим требованием к человеку, который может сохранить свою человечность только как историческое и культурное существо. Признавая уникальность, приватность, интимность переживаний, фиксируются их социально-психологический генезис и социально-психологическая онтология. Проанализированы взгляды на переживания мыслителей Античности, Средневековья, Возрождения, динамика этих взглядов, их использование в современной психологии. Историческая специфика представлений о переживаниях прослежена в зависимости от своеобразия самих переживаний каждой из эпох. Богатство и благополучие субъективности (переживаний) личности ставится в зависимость от её способности быть субъектом в культурном процессе.

Для психологов, философов, историков, культурологов, педагогов и всех тех, кто интересуется проблемами переживаний личности, их трансформации в социально-психологическом и социокультурном контексте.

Рекомендовано к изданию
решением заседания кафедры психологии
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
(протокол № 6 от 25 января 2013 г.)

Рекомендовано к изданию
решением заседания научного технического комитета
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор Я. Л. Коломинский;
доктор психологических наук Г. В. Лосик

ISBN 978-985-520-717-8

© Жеребцов С. Н., 2013
© Оформление. ОДО «Образовательная
компания «Содействие», 2013

Введение: теоретические основания исследования переживаний личности в контексте культуры и истории	11
1. Переживания и их концептуализация в эпоху Античности	22
1.1. От Протагора — к Сократу	22
1.2. Платон: четыре идеи об устройстве внутреннего мира	29
1.3. Аристотель: необходимость и целостность переживаний	33
1.4. Демокрит: переживания как регулятор поведения	40
1.5. Эпикурейство и стоицизм: две концепции управления переживаниями	41
1.6. Переживания в социокультурной ситуации античности	47
2. Средневековые переживания и представления о них	59
2.1. Христианство: феноменология переживаний	59
2.2. «Объективная взволнованность» Августина Блаженного	62
2.3. Экзистенциализм У. Оккама и индивидуализм Д. Скотта	68
2.4. Взаимопревращение культуры и переживаний	71
2.5. Ф. Аквинский: личность как субъект переживаний	88
2.6. Культурно-психологическая динамика средневековья: от «домашней эпохи» к «губительному отрицанию жизни»	98
3. Переживания личности и развитие представлений о них в эпоху Возрождения	105
3.1. Ф. Петрарка: творчество и принцип суверенитета личности	105
3.2. Л. Валла: наслаждение как ценность	109
3.3. Комплексное описание жизни Леонардо да Винчи	109
3.4. Внутренний мир «благовоспитанного человека» по Б. Кастильоне	112
3.5. Индивидуальность как ренессансное культурно-психологическое образование	116
3.6. Б. Телезио и Х. Вивес: идеи к овладению переживаниями	119
3.7. Практическая философия жизни М. Монтеня	121
3.8. Достоинство человека и новые функциональные органы переживания	126
3.9. Переживание как игра и чудесное превращение	131
3.10. Переживание ренессансных противоречий: становление субъекта и реализация полноты бытия	134
Заключение: переживание как свидетельство жизни	144
Список литературы	173

Введение: теоретические основания исследования переживаний личности в контексте культуры и истории

Необходимость обращения к истории представлений о переживаниях личности состоит в том, что ретроспекция научных поисков служит теоретическому самоопределению, осознанию социокультурных контекстов научного творчества, а также расширению горизонтов и возможностей исследователя, повышению его познавательной гибкости и сензитивности к многообразным феноменам переживания. Анализ переживаний не может носить чисто «технический» характер. Также научное изучение переживаний не может быть исключительно описательным. Исследователи обычно занимают одну из двух указанных полярных позиций и используют либо механистический подход, либо феноменологический. Третий путь заключается в применении культурно-исторического подхода к изучению переживаний, что позволяет рассматривать феномены человеческого бытия в процессе эволюции порождающей их системы. В этом смысле сущность переживаний раскрывается в анализе их культурно-исторического развития.

Мы прекрасно отдаём себе отчёт в грандиозной сложности научной задачи познания переживаний личности. Переживание — наиболее интимный, личный аспект психологической жизни, для которого не хватает никакой выразительности человеческого языка, даже метафорического языка художественной литературы, образительного искусства. Научный дискурс ещё более ограничен. Но трудность научного психологического изучения переживаний не говорит ещё о невозможности такого изучения. Нам представляется наиболее уместным продвигаться в данном случае путём культурно-исторической психологии, которая обладает «живыми» средствами, идеями и совокупным культуропорождающим потенциалом (к сожалению, недостаточно используемым современной психологией).

Понятие «переживание» в психологии имеет непростую судьбу. Его то активно продвигают на авансцену психологических изысканий, то отправляют на периферию по причине трудностей операционализации как понятия и феноменологии как психологического феномена. Представ вполне осчётливо в качестве научной проблемы в работе В. Дильтея «Описательная психология» [59], оно было подхвачено экзистенциалистами, феноменологами и стало для них одним из центральных в их понятийном тезаурусе. Большое значение переживания имели и для гуманистической психологии (К. Роджерс [128], А. Маслоу [109]), и для психоанализа [151],

и для гештальт-терапии Ф. Перлза [117], хотя в этих подходах само переживание как целостный конструкт анализировалось вскользь, но фокус внимания удерживался на механизмах и многих феноменах переживания, которые оценивались с точки зрения личностной зрелости, самореализации, психологического благополучия и психического здоровья. В советской психологии проблематикой переживания занимались С. Л. Рубинштейн [137], Б. М. Теплов [145], Ф. В. Бассин [9, 10], Ф. Е. Василюк [135]. Но ещё до них особое место категория «переживание» получила в теоретической системе Л. С. Выготского [42]. Наверное, огромную роль переживаниям Л. С. Выготский отводил потому, что полагал их в качестве собственно психологического феномена (можно даже было бы сказать — наиболее психологичного), существенную роль играющей в развитии личности, имеющей природную (физиологическую) и культурную (социальную) обусловленность, но никак не сводимую ни к физиологии человека, ни к его социальной жизни. Поэтому для позиционирования переживаний в качестве полноценного предмета психологических исследований и необходимо обращение именно к культурно-историческому подходу.

Платон ещё учил: познавать — значит сравнивать. Сравнение в психологии чаще обращается в исследование историческое, в сравнение различных способов бытия, т. е. в сравнение различных культур. Идея взаимобусловленности, неразрывного единства психических и культурных механизмов бытия человека считается сегодня одной из самых продуктивных в методологии гуманитарных исследований. На необходимость такого подхода к изучению психического указывали Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн, Д. Н. Узнадзе, Г. Г. Шпет, Э. Эриксон, М. Коул, Дж. Верч, М. Фуко и др. Кроме того, анализ становления категории «переживание» позволяет увидеть сквозь особую фокусировку логику становления психологии в целом и ее гуманитарной ветви — в особенности. Такой анализ позволит более осознанно наметить тенденцию развития учения о переживаниях, ведь история, как известно, проблематизирует настоящее и обладает прогностическим потенциалом. Именно в современном мире сверхбыстрой реальности история становится сверхактуальной, она не только помогает понять современность, но и определить человекоразмерное (обнадеживающее) будущее.

Изучение переживаний в широкой исторической перспективе (ретроспективе) есть изучение метадетерминации переживаний. Кроме такой обусловленности можно выделить мезодетерминацию (образ жизни, практики повседневности) и детерминацию ситуативную (событийную). В этой связи сущность переживаний наиболее отчетливо раскрывается на виртуальном пересечении двух историй: «большой» истории человечества, когда мы пытаемся уловить в переживаниях некие универсалии, особенности переживаний на различных уровнях развития общества и «малой» истории человека, его жизненного пути, когда мы понимаем,

что переживаний «вообще» не существует, они — «здесь-и-сейчас» — проявление индивидуальности культурного человека. Речь идёт о своеобразном исследовательском опыте трансгрессии. Трансгрессия (у Ж. Батая [11], М. Фуко [153]) есть опыт преодоления границ: между эпохами и культурами, между парадигмами, между масштабами анализа, между человеком наличным и человеком возможным; трансгрессия — это постоянное преодоление очевидности в познании, это постоянное преодоление себя. Познание, переживание открывают своё бытие в одновременном установлении и преодолении своих пределов.

Попытаться зафиксировать и адекватно представить в переживании всеобщее и уникальное выступает нетривиальной теоретико-практической задачей. Важно учесть опыт познания в исторических науках, который демонстрирует, что увлечённость идеографическими методами микро-истории, также как и стремление к высоким абстракциям макро-истории, с неизбежностью приводило к методологической односторонности [165]. Осознавая, что человек разных эпох сохраняет родовые качества, мы должны отметить, что высшие специфически человеческие формы психической деятельности, включая переживания, просто обречены быть историчными. Культурно-исторический анализ выявляет всеобщее в индивидуальном переживании.

История человеческих способов бытия не должна быть маргинальной к психологии. Приведём только некоторые из огромного числа указаний на этот счёт. Так, Л. С. Выготский не раз отмечал, что понимание психических функций без знания истории их возникновения невозможно, В. Дильтей писал, что о человеке «можно узнать не путем размышлений над самим собой, и даже не посредством психологических экспериментов, а только лишь из истории» [59, с. 71]. Г.Г. Шпет подчёркивал, что «только в истории человек узнает самого себя» [16, с. 145]. М. М. Бахтин говорил, что «идти вперед может только культура, а не знание» [18]. Также смысл этой идеи ёмко представлен в следующем слове из стихотворения «Воспоминание» А. Белого: «Мы — ослеплённые, пока в душе не вскроем / Иных миров знакомое зерно» [20]. Социально-психологический контекст переживаний также обращает нас к истории, поскольку во всей полноте развертывание сущности личности возможно в пространстве истории становления и развития человеческой культуры.

Для облегчения визуализации подлежащих историческому изучению психологических феноменов А. В. Шкуратов предлагает схему «круговорот углерода в природе», в соответствии с которой высшие млекопитающие поедают живших животных и растения, но сами после смерти становятся пищей для низших многоклеточных и одноклеточных. Основой круговорота служит сохранение вещества жизни через смену отдельных особей. Аналогия напрашивается сама собою, когда мы пытаемся представить круговорот психического в культуре. Решающим, по мнению А. В. Шкуратова, выступает вопрос: психическое есть атрибут отдельного человека или

целостной системы сменяющихся индивидов — общества? Современная психология теоретически отвечает, что всей системной совокупности, разделенной между индивидуальными носителями психики, но практически (исследованиями и методами) — отдельного индивида [166]. Это разрыв между признаваемым на теоретическом уровне фактом социальной культурной организации психологической жизни и утверждаемой эмпирическими исследованиями индивидной субстанциональности переживаний всё настойчивее нуждается в заполнении.

Переживания выступают психологическим феноменом, однако психология сама по себе мало что может сказать о переживаниях, когда она не рассматривает их как культурно, исторически специфические явления. С известной долей имплицитности в каждой культуре содержится проект мира, вне которого мир как таковой недоступен. Выбранный нами способ объяснения, как образом, определён самим предметом исследования и носит рефлексивно-конструктивный характер.

Переживания относятся к значениям и смыслам человеческой жизнедеятельности. Эти значения фиксируются опосредованным, социокультурно обусловленным характером переживаний при всей их непосредственной феноменологической данности восприятию субъекта. Конечно, смысловая и потому исключительная в своей единственности природа переживания не должна становиться жертвой обобщения, всегда схематичного, условного, сомнительного. Но знаково-символический характер зарождения и трансформации переживаний вызывает к необходимости анализ явлений культуры, взятых в исторической динамике. Да и сама «культура — это медленно и путем невероятных усилий создаваемый человечеством функциональный орган, назначение которого состоит в проникновении внутрь себя самого» [68, с. 228]. Различные социальные миры, различные культуры конституируют различные системы переживаний. «Ибо культура...», — замечает М. Г. Ярошевский, — преобразуется по присущим ей законам, от которых зависит «психология в терминах драмы» отдельной личности и её переживания» [174, с. 75]. Т. е. переживания не могут быть объяснены ими самими, для их глубокого понимания необходим очень широкий контекст — далеко выходящий в пространственном, временном и смысловом отношении за пределы индивидуальной психики. Такой способ психологического исследования может быть назван методом культурно-исторической реконструкции, который позволяет характеризовать «внутренний мир типичного представителя конкретной исторической эпохи или общества, содержание менталитета и динамику настроений в социуме, смысложизненные ориентации и мировоззренческие установки людей того или иного хронологического периода» [140, с. 594].

Здесь необходимо особо акцентировать мысль о том, что изучение истории формирования и развития представлений о переживаниях, изучение истории становления самих переживаний выступает не просто

историческим экскурсом в проблему, традиционно предваряющим основное исследование, но и самим исследованием переживаний как глубоко личностной и одновременно социально-психологической реальности, зарождающейся, становящейся и развивающейся в культурно-исторической среде. Генезис и механизмы переживаний, а не только описание их отдельных феноменов и различных зависимостей, раскрываются в культурно-историческом (генетическом) методе, когда удается зафиксировать, как социально-психологическое образует самую сердцевину индивидуальной психологии. Исследовать природу и сущность переживаний — это означает исследовать историю переживаний.

Такая исследовательская установка определяется необходимостью объединения трех видов психологического знания: «предметного знания», «знания методологического» и «знания исторического» [127]. Кажется бы, знание о переживаниях — это исключительно уровень предметного знания. Но, не осознавая процесс и способы получения предметного знания, не понимая, что этот процесс и эти способы имеют конкретно-исторический характер и постоянно изменяются, невозможно вообще сколько-нибудь серьезно обсуждать сам предмет исследования. Т. е. и знание методологическое, и знание историческое выступают необходимыми сторонами именно психологического знания.

Психология существенно продвинулась бы в прояснении природы и в определении онтологического статуса многих проблем и феноменов, если бы шире использовала исторический анализ. В середине XX века Л. Февр справедливо восклицал: «Подумать только, у нас нет истории любви! Нет истории смерти. Нет ни истории жалости, ни истории жестокости. Нет истории радости» [147, с. 123]. Несмотря на некоторые подвижки в этой области, и до настоящего времени широкий исторический контекст исследования динамики переживаний не предельно в качестве научной проблемы. Такая ситуация очевидно, побудила Ф. Т. Михайлова в категоричной форме «с мукой и горечью», как он сам пишет, констатировать: «...Культурно-историческая психология превратилась в миф. Её представители используют терминологию Л. С. Выготского, что называется, для красного словца, формулируя личные научные проблемы в лозунгово-эмпиризм». В психологии господствуют методики практической коррекции психических аномалий. Модные концепты психоанализа, тесты и упражнения вытеснили саму идею культурного историзма в формировании высших психических функций...» [110]. В. М. Розин тоже отмечает, что идеи культурно-исторической психологии «серьёзно оспариваются, но при этом и не развиваются». «Более того, — продолжает он — идеи историзма и культуры, на которых так настаивал Рибо, тоже только приговариваются. Реальный же анализ психики по-прежнему ведётся в молчаливом предположении, что существуют вечные законы психики, которые везде одинаковы: берём ли мы современного образованного человека или аборигена или средневекового монаха» [131].

Кроме того, в информационном обществе психология оказалась в плену технологических моделей, систем и акцент стал сдвигаться со значения на информацию, с конструирования человеческих смыслов на передачу фактов, с переживаний личности на её реакции и действия. Образ человека как такового даже в научной психологии затмевается, а иногда и заменяется образом субъекта политического, экономического, информационного поведения.

Л. С. Выготский в общем плане (методологически) обосновал единство исторических методов с психологическим. Но граница данного психологического историзма определена указанием на существование рудиментарных функций современного человека. Такие формы поведения, как бросание жребия и завязывание узелка на память задают хронологические границы развития определенных функций (верхнюю, у современного человека, и нижнюю, у примитива) [44]. Л. С. Выготский весьма плодотворно развивал лабораторное экспериментирование и получал данные, основанные на содеянных ему испытуемых. Однако генезис, историческая исследовательность многих переживаний, их свойств между двумя указанными хронологическими полюсами должны быть эксплицитно указаны и на историческом материале, в той или иной степени доступном исследователю. Иными словами, необходимо применение собственно историко-культурологического метода в изучении переживаний и иных личностных феноменов.

И историческое, и психологическое знание не может обладать истиной в отрыве от культуры. «Логика исследования ведет культурно-историческую психологию к открытию психической и персональной организации вне живого индивида (разумеется, не загробного мира, а человеческого бытия, «законсервированного» в историческом материале). Тут и появляется надобность в моделях, соединяющих психологический предмет и социокультурную перспективу» [166, с. 350]. В нашем случае это означает, что вопрос об историческом генезисе переживаний относится к историческому исследованию значений, смыслов, знаково-символических форм как конституирующих факторов той или иной психологической реальности, того или иного способа организации субъективности, отражающего существующий в данный исторический момент социокультурный контекст. Переживания как динамическая знаково-символическая система и есть тот «узел» психологической жизни, где на уровне конкретной личности смыкаются линии экономической, культурной, социальной жизни эпохи. П. Я. Гальперин в 1935 г., резюмируя наследие Л. С. Выготского, формулирует идеи о развитии культурно-исторической психологии. Одна из ключевых идей-задач посвящена историческому исследованию знака: «Вернуться к исследованию «естественной истории знака». Только следует не упускать из виду, что эта история не может быть естественной историей, что она есть общественная

история и берет начало в труде, т. е. в таких отношениях, в которых люди и вещи включаются в постоянную, активную и необходимую для них структуру» [45, с. 122].

По Ю. М. Лотману «мир идей неотделим от мира людей, а идеи — от каждодневной реальности» (цит. по: [84, с. 11]). Любая наука есть часть культуры. Именно поэтому история изучения переживаний раскрывается не только в текстологическом анализе первоисточников (непрямых свидетельств былого мировоззрения и исчезнувших паттернов переживания). Важно не только то, что говорит тот или иной автор, но и то, какие задачи стоят перед ним, какая конкретно-историческая, социокультурная ситуация обуславливает его убеждения. Т. е. требуется реконструкция психолого-культурных механизмов, порождающих тексты. Нам могут быть хорошо известны взгляды, концепции тех или иных ученых, но в гораздо меньшей степени, подчиняясь фундаментальной ошибке атрибуции, мы осознаем социокультурные и даже социально-психологические факторы, особенности их жизни и мировосприятия — подлинные причины их научных убеждений. Познание, сознание, переживание есть достояние социальности, укоренённой в культуре: «...не может быть ни познания без сообщества исследователей, ни внутреннего опыта без сообщества тех, кто им живет» [11, с. 56]. Ученые — это люди, которые впитали определенные нормы и идеи, которые обладают определенной культурой, они переживают и мыслят в соответствии с опытом, который является их образом жизни. Ученые, философы, представители искусства могут воплощать и выпукло выражать культурно и исторически специфичные паттерны переживаний. М. Фуко о переживаниях, предметом которых выступает жизнь человеческая, пишет как о практиковании себя в культурном пространстве своей эпохи: «Вопрос состоит в том, чтобы знать, как направлять свою собственную жизнь, чтобы придать ей как можно более прекрасную форму (в глазах других, самих себя, а также будущих поколений, для которых можно будет послужить примером). Вот то, что я попытался реконструировать: образование и развитие некоторого практикования себя, целью которого является конституирование самого себя в качестве героя своей собственной жизни» [153, с. 431].

Научная психология всегда идет вдоль границы, за которой — житейская психология. Но именно благодаря этой границе, благодаря этому разделению существует первая, и вторая психологии. Вот почему в истории важно проследить и то, как превращаются людские переживания, и то, как изменяются представления о них. Благодаря научной психологии житейская предстает как данность, как исследуемая реальность. Благодаря житейской психологии научная обретает смысл. История переживаний и история рациональности предстают, таким образом, как две логики, конвергенция которых образует логику и логос жизни. Общекультурные представления и научная логика, таким образом, совместно создают образы

человека. Устранение одного из способов понимания означает отказ или от рациональной коррекции обыденного мнения, или от картины жизни обывателя. Гуманитарное понимание оказывается интегратором двух сфер психологического знания, двух сфер исторического сознания.

Всё это ориентируют нас на максимально возможное раскрытие потенциала трёх подходов, которые используются в современных историко-психологических исследованиях: экстерналистского, интерналистского и персонально-личностного [140, с. 594]. Экстерналистский подход акцентирует внешнюю сторону развития науки, раскрывает проблемы социокультурной детерминации научного знания [105].

Интерналистский подход пытается обнаружить внутреннюю логику развития знания конкретной научной области, «внешняя» сторона признаётся как не имеющая существенного значения. По И. Лакатосу наука является автономной системой, «внутренняя история» которой первична [89]. Интерналистский подход вполне может использоваться самостоятельно во многих науках, но, по нашему мнению, только не в психологии, сам предмет которой историчен, социокультурен. Поэтому в изучении внешних проявлений психического нужна не только теоретическая реконструкция, но и культурно-историческая. Переживание должно рассматриваться в увязке с историческими условиями своего конституирования, как психологический феномен, особым образом порожденный различными идеологиями, концепциями, дискурсами, практиками, которые так или иначе с ним имеют дело.

При персонально-личностном подходе реализуется вполне очевидная идея: личность учёного влияет на ход развития научного познания, поэтому в качестве предмета анализа выступают личностные особенности, жизненный и творческий путь учёного. Внутренний опыт автора сохраняет свое личное качество в долговременном существовании, констатируя некую исходную ситуацию его жизни. Итак, важно осознавать, каковы особенности метасистемы (социокультурной общности) бытия личности и её переживаний, на каком этапе развития представлений о них тот или иной учёный «подключается» к их изучению, и какими особенностями личность этого учёного (являющегося субъектом переживаний) обладает. Именно такая исследовательская оптика позволяет анализировать сложные пространственно-временные структуры, которые в снятом виде превращаются в психологические реалии (хронотоп смысла, хронотоп переживания).

В изучении переживаний мы имеем дело с невоспроизводимыми явлениями (переживания неотчуждаемы, опыт переживаний от человека к человеку непосредственно передать невозможно). Но за этими явлениями стоят определенные смыслы, которые, во-первых, поддаются пониманию логически-эмпатийно, диалогически настроенным сознанием, и, во-вторых, бытийствуют лишь в момент их интерпретации и понимания. «Податливость» пониманию феноменов субъективности

прошлого объясняется идеей историзма не только как «снятого» культурного материала (один этап предшествует следующему), но и такого историзма, при котором прошлое продолжает существовать в настоящем как один из многих голосов (позиций, образов) настоящего. Именно в диалоге устраняется дистанция между исследователем и его предметом, даже если предмет этот отделён от нас многими веками. С другой стороны, и преодолевать может быть ничего не нужно, а дать в интерпретации того или иного материала проявиться голосу, звучащему «здесь и сейчас» и «там и тогда» одновременно. М. М. Бахтин в этой связи пишет: «В культуре прошлого заложены огромные смысловые возможности, которые остались не раскрытыми, не осознанными и не использованными на протяжении всей исторической жизни данной культуры. Античность сама не знала той античности, которую мы теперь знаем. (...) ...та дистанция во времени, которая превратила греков в древних греков, имела огромное преобразующее значение: она наполнена раскрытиями в античности все новых и новых смысловых ценностей, о которых греки действительно не знали, хотя сами и создали их» [19, с. 333]. Проблематичным оказывается тот факт, что изучаемые характеристики психологической жизни настолько плотно включены в систему значений, в объективированные структуры, что на начальных этапах исследования воспроизводятся скорее не специфические свойства переживания, а структурирующие данные свойства социокультурные системы. Косвенный и отсроченный анализ — анализ артефактов — выступает подлинно психологическим анализом, если мы позиционируем эти артефакты как средства, органы психологической деятельности человека. Расширение своих психических границ, масштабы и способы этого расширения посредством культурных образований имеет самое непосредственное отношение к смысловому структурированию реальности в целом, выработке отношения к конкретному событию в частности. Способность видеть, понимать, чувствовать и в целом — переживать основана на исторически конкретных способах применения культурно возвращенных психологических средств.

Поэтому проблематично сравнения различных характеристик, социокультурных типов переживания, отсутствующих в поле актуального внимания исследователя, что означает невозможности решения данной задачи: «...Глубочайшее заблуждение, будто наука может изучать только то, что дано в непосредственном опыте. Как психолог изучает бессознательное историк и геолог — прошлое, физик-оптик — невидимые лучи, филолог — древние языки? Изучением по следам, по влияниям, методом интерпретации и реконструкции, методом критики и нахождения значения создано не менее, чем методом прямого «эмпирического» «облюдования» [41, с. 343]. Переживания представителей далёких эпох раскрывают перед нами свои свойства и потому, что по закону контраста проще зафиксировать и понять очень далёкое, экзотичное, чем близкое

нам, но по своей психологической сути, всё же, иное. Герменевтика требует и элемента схожести в познании. Поэтому именно в точках встречи, на границе диалогического проникновения возможно постижение нового смысла. Одно сознание в отсутствие другого, даже конфликтного по отношению к первому, просто обесмысливается. Игра эмпатии и отчуждения, сходства и несходства выкристаллизовывает этот смысл.

Здесь важно для понимания переживаний отметить необходимость изучения не просто формальной стороны культуры, в которой пребывают индивиды и используют уже готовые артефакты, оперируют ими в своём внутреннем мире. Весь психологизм бытия человека, построение собственно психологического исследования станет возможным, если «перейти от анализа сознания к анализу реальной личности в её реальных отношениях именно со стороны необходимости, с какой она определяет субъекта» [41, с. 123]. Именно поэтому важна не только точка зрения субъекта, но и сама жизненная необходимость, некое требование, которое исходит из жизненной ситуации, событием жизненного пути. Это значит, что переживания предзаданы и формой, знаком, и необходимостью судить о событиях жизни, которые могут и не осознаваться, поэтому и строится не просто масштаб сознания, но и масштаб личности. Субъектом переживания выступает не сознание, а личность. Переживания органичны личности, жизненной ситуации личности.

Исследование переживаний, поэтому, строится на реконструкции и последующей интерпретации фактов и явлений, а также средств создания исторических фактов и явлений. Истины различных эпох о переживаниях личности были выражены языком (и в целом — способом), присутствующим своему времени, поэтому для того, чтобы их применение имело ценность, каждая последующая эпоха должна заново их открывать и расшифровывать, «встраивать» в контексты актуального этапа развития науки, в контексты бытия современного человека. Познание тогда будет выступать как процесс творения смыслов, как попытка пере-представить события, сделать их снова значимыми. Значимость для нас исторических событий и конкретных людей прошлого связана с самопониманием, которое никогда не бывает исчерпывающим. Т. е. «от людей прошлого нам вообще ничего не нужно, кроме того, чтобы они существовали как образы и эмоции нашей души» [166, с. 99]. В таком познании явления получают смысл в рамках используемой концепции, или нескольких связанных концепций. Эти концепции, как правило, отражают тенденции развития культуры, общественной жизни. Поэтому их и нужно рассматривать в историческом аспекте. «Человек, проникший во внутреннее царство... обнаружит, что отправился... в путешествие, — пишет Р. Д. Лэйнг. — Это путешествие переживается как продвижение дальше «внутри», как прохождение в обратном направлении через собственную жизнь, внутрь, назад, сквозь и за, в опыт всего человечества...» [100, с. 123]. Поэтически эта идея представлена у М. Волошина: «Весь трепет жизни всех веков

и рас. / Живёт в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас» (цит. по: [71, с. 547]). Индивидуум, вне зависимости от того, осознаёт он это или нет, живет общей судьбой человечества, разделяет с ним всё богатство переживаний, или имеет, как минимум, возможность пережить то, что пережито кем-то. «Как чудесно и неискушенно, — пишет Ф. Ницше, — и в то же время как ужасно и иронично чувствую я себя со своим познанием по отношению ко всей полноте бытия! Я открыл для себя, что прежний человеческий и животный мир, да и вообще глубочайшая древность и прошлое всего осязаемого бытия продолжает во мне творить, любить, ненавидеть, завершать, — я внезапно пробудился среди этой грезы, но пробудился лишь к сознанию, что я именно грежу и должен впредь презирать... дабы не сорваться» [115]. Обращает на себя внимание это ницшеанское «дабы не сорваться»: человек вне осознания, точнее вне переживания своей историчности, связи с тем, что шире его в пространственном, временном, смысловом плане, перестаёт быть человеком. Историзм есть не только гносеологическое требование, но и требование онтологическое. Культурно-историческая реальность пробуждает человека для бытия, она же погружает его в сон. Любая система переживания, его схематизмы и ценностная основа, по поводу которой это переживание разворачивается, зависимы от своей предыстории. Но осознание человеком и человечеством своего прошлого позволяет занять позицию, через рефлексивное переживание определенным образом отнестись к прошлому и в известной мере овладеть им. Поэтому М. К. Мамардашвили утверждал, что «современного» человека не существует, что «речь может идти лишь об историческом человеке, т. е. существе, орган жизни которого — история, путь...» [109, с. 189]. Счастье и несчастье бытия возможны благодаря этому органу. Выйти из небытия, стать переживающим субъектом возможно только посредством ограничивающего бытие культурного органа. Переживание — на сию же минуту благодаря исторически созданному функциональному органу.

Экспликация исторически заданного материала переживаний осуществляется с позиций современной культуры и современных типов рациональности, с помощью современных функциональных органов познания. При этом современная ситуация в психологии, в культуре должна быть понята не в терминах прошлого, но с точки зрения её собственных возможностей. Постнеклассический тип рациональности (Ж. Лиотар, В. С. Стёпин) акцентирует роль человека в получении знания (человеко-размерность), учитывает социокультурные цели и ценности. Изучаемые феномены рассматриваются в их сложности и историчности. Знание исторично, оно продуцируется, строится человеком, погруженным в определенную смысловую систему. «Мир дополняется и насыщается новыми гештальтами, которые актуализируются в конкретных ситуациях (контекстах опыта), становясь найденной и в то же время созданной реальностью» [113, с. 7]. Сама истина выступает историческим образованием. Она определяется, как показали исследования в области истории

и методологии науки [15, 124, 153], сложным взаимодействием существующих в каждой культуре областей знания, типов нормативности и, что особо важно для нашего рассмотрения, форм субъективности. Историзм как принцип исследования разрушает идею абсолютности познания. Знание в истории постоянно оспаривает само себя. Оно неудержимо в устранении мнимостей, видимостей, очевидностей. М. Фуко писал: «В жизни бывают моменты, когда, чтобы продолжить смотреть или размышлять, нельзя обойтись без желания узнать. Можно ли мыслить иначе, чем мыслишь, и воспринимать иначе, чем видишь... Но что же и есть такое философия..., если не критическая работа мысли над самим собой. И не в том ли состоит её дело, чтобы не узнавать — вместо того, чтобы узаконить уже известное, — как далеко какого предела можно было бы мыслить иначе» [154, с. 40]. Используя эту словоформу, эту когнитивную рамку, необходимо отметить, что для психолога желание узнать, можно ли переживать иначе, чем переживаешь, является наипервейшим мотивом научного познания и способом определить возможности и границы оказания психологической помощи. Так что вопрос: как и до какого предела можно переживать иначе, чем переживаешь? — является главной проблемой научной и практической психологии, которая формулируется, и решается прежде всего в контексте культурно-исторической психологии.

Культурно-историческое исследование позволяет обнаружить вообразимую точку встречи дискурса о переживании с дискурсом о знании. Эти дискурсы имеют разнообразные и непростые взаимоотношения на различных исторических этапах. Человек устанавливает свою идентичность через культурно специфичные технологии функционирования знания. Процесс установления данной идентичности не является нейтральным в психологическом плане, а составляет, пожалуй, основную линию психологического бытия личности, центральную ось её переживания. Надличные культурные образования работой переживания превращаются во внутренние голоса. Само бытие открывается через конституированную культурными органами идентичность.

Научное познание, в том числе и гуманитарное психологическое познание, организуется системой ценностей, поскольку изучение вопроса «что это есть и какое оно», всегда вызывает вопрос «каким это должно или может быть». Логически определенная истина выступает исторической истиной. Генетически именно значимость, ценностное суждение делает возможным познание и существование разума. Субъектом познания выступает человек, пытающийся быть свободным в ограничивающем его природном и социальном пространстве, пытающийся преодолеть наличные ограничения этого пространства. Поиск истины в гуманитарном психологическом познании вскрывает, таким образом, не только нерациональное, но и антигуманное, несправедливое, угнетающее человеческую суть. Такое познание определяет ограничения,

но и открывает возможности. Научное познание, таким образом есть социокультурный процесс со всеми вытекающими отсюда последствиями. Одним из таких последствий является рефлексия оснований социокультуры. Наука ограничена социокультурой и постоянно пытается преодолеть эти ограничения.

Если признать, что вся психология как наука обусловлена культурой, историей ее развития, то мы тем самым подчеркиваем конструктивный, постнеклассический характер своего теоретизирования. По предположению Т. Адорно, наличие культуры «и есть именно то условие, которое исключает возможность ее измерения» (цит. по: [84, с. 22]). Культура всегда есть множество контекстов и сама обусловлена более широкими контекстами. Использование постнеклассической методологической «оптики» организует диалог эпох и культур, диалог ценностных систем, типов мировосприятия и переживания. Возникает такой образ способа понимания переживаний, который создал М. М. Бахтин в концепции полифонического сознания, который использовал М. Фуко, именуя его «критической историей», который Л. С. Выготским обозначался как «генетический метод». Диалог культур невозможен, когда современный исследователь из страха впасть в анахронизм, из страха спроецировать свои свойства на иные эпохи, вовсе отказывается от гипотез и интерпретаций исторически трансформирующейся субъективности.

Мы развиваем, расширяем смысловое содержание понятия «культурно-историческая психология», включая в него множество подходов и парадигм к изучению психологической жизни, известных историй. Тогда наименование «культурно-историческая» будет более соответствующим своему содержанию, поскольку в нем получит освещение не только какое-либо психологическое явление в исторической динамике (генезис памяти, произвольного поведения и т. п.), но и разнообразие подходов к изучению данного явления, рассматриваемых в конкретном социокультурном контексте, а также с позиций других социокультурных контекстов. К сожалению, сложившаяся культурно-историческая психология хотя и признаёт, что человек историчен, как правило, дальше изучения социальных детерминант поведения развития не идёт. «Ее мало интересует, какой нынче век на дворе, чем он отличается от прошлого и позапрошлого. Главное — «упаковать» исторические волнения индивида в синдромы, факторы, комплексы, доступные стандартным изменениям и воздействиям» [166, с. 30].

Культурно-исторический подход к изучению переживаний — это не только вопрос использования специфических технологий, методов, методик (хотя и это представляет в определённых условиях научно-практическую ценность), а прежде всего вопрос мировоззрения психолога, методологического осмысления им психологических реалий и неразрывно связанного с этим его профессионального и личностного развития, позволяющего воспринимать и грамотно работать именно с психологическим,

с «наиболее возвышенным и совершенным» (Аристотель) в человеке. Взятые в отрыве от культуры и истории, сущность и феноменология переживаний становятся однозначными, обедненными, уплощенными. Такая работа с «возвышенным и совершенным» требует определённого средства-органа исследователя — определённого языка и мышления, которые «обрабатывают» имеющиеся и создают новые тексты. По сути имеется ввиду своеобразное мышление языка, наука слов как особенное словесной культуры, наука о человеческом бытии как понимаемая историей культура мысли. Для изучения переживаний как культурно-исторического феномена наиболее релевантным является язык интерпретаций, гуманитарно-интерпретативный метод как способ оппечения значений, смыслов из культурного наследия. При этом культурный текст, прочитанный психологом, не просто воспроизводит готовое значение, а порождает смысл. Смысл, смысловая сфера личности развиваются, как показал Л. С. Выготский, драматически. В эти драматических смысловых трансформациях диалогически включено историческое значение. Т. е. значение имеют не сами по себе культурные формы, а непрерывающаяся игра смысла как процесс опосредованного превращения личности.

По мнению Л. М. Баткина, использование идеи культуры задает «особый угол зрения» ко всякого рода духовной деятельности и отношений человека, «строящихся вокруг некоего смысла» [13, с. 303]. При этом творчество смыслов предстает, по Л. М. Баткину, как «встречный отклик» (толкование, вопрошание, согласие, удивление), как сопереживание, добавим мы. Это позволяет противостоять позитивистскому отчуждению и выхолащиванию собственно психологического содержания и делает более очевидной и доступной эмоционально-нравственную, эстетическую сторону явлений, открывает смысл для человека. Психология переживаний немислима вне «антропного принципа» её организации.

Итак, в попытке установить диалог, как призывал С. С. Аверинцев, между двумя понятийными системами (прошлой и современной), культурно-исторический анализ должен в определенной степени отслеживать трансформацию не только теоретических представлений о переживаниях, но и самих переживаний. Такая трансформация становится очевидной при анализе зависимости переживаний от типа общества, следовательно, от преобладающего способа производства, обуславливающего способ общения, способ отношения человека к другим, к природе, к самому себе. При этом важно понимать, что ни динамика переживаний, ни динамика представлений о них не является однолинейным процессом. И даже определение самых общих моментов должно осуществляться с учетом контекста, а те или иные идеи необходимо оценивать с помощью адекватных им критериев, имманентно, экологично по отношению к породившей их системе. Историческое исследование переживаний в необходимой мере должно опираться на широко практикуемый сегодня герменевтический подход «вживания в эпоху». Необходимо

использовать культурно-историческую эмпатию, находить способы культурно-психологического понимания различных жизненных миров. Это требование психологического познания в полном объёме не может быть исполнено в принципе, но продвижение в сторону понимания видится осуществимым попыткой как бы «вы-читать» (извлечь) специфику переживаний из всевозможных исторических превращений, из определенных типов культуры, из различных способов бытия. Субъектом переживания, как уже отмечалось, выступает личность. Но не может быть в одной позиции, в одной точке зафиксирована вся реальность переживания, даже если это переживание данного человека в данной ситуации. Переживание порождено противоречием и само внутренне противоречиво, имеет много позиций, голосов и форм. Принципиальным является соотношение позиций, и то, кому голос предназначен, для кого оформлен. «Истина не заключена в самом субъекте, который, признаваясь, её — уже готовую — якобы только выводит на свет. Она конституируется на двух полюсах: уже присутствующая, но неполная, слепая для самой себя у того, кто говорит, она может прийти к своему завершению лишь у того, кто её принимает» [153, с. 167].

Представляется в этой связи эвристичным расширить инструментарий традиционного культурно-исторического, диалогического исследования за счет применения эвристики психоисторического подхода, использующего свою методологию [58], которая пытается изучить переживания при помощи уникального сочетания исторических документов, опыта психологического консультирования и психотерапии, а также собственного опыта переживаний исследователя. Данная интеграция позволяет осуществить культурно-историческую реконструкцию переживаний, осознать их социально-психологическую природу и онтологию, в том числе и на основе опыта переживаний исследователя. Субъективность исследователя не выносится за скобки, не нивелируется парадельно позитивистским усилием, а выступает принципиальным условием обретения понимания. Такая исследовательская позиция к историческому материалу, к самому себе делает само исследование актуальным, т. к. оно позволяет анализировать динамику форм субъективности, характеристик социального взаимодействия, типов рациональности, которые исторически оказались конституирующими нашу субъективность, схематизмы и ценностное наполнение переживаний, их эстетическое оформление — это те культурные формы, которые не просто выступают средством выработки отношения к какой-либо ситуации, не просто являются технической оснасткой переживания, но образуют интимность личности, её идентичность.

Таким образом, переживания как факты психического, данные человеку непосредственно в его опыте, заставляют нас серьёзно относиться к мнению мыслителей различных социокультурных систем, включая

античность. Даже краткий историко-психологический экскурс показывает, что многие современные проблемы исследования переживаний не только имеют историю, но и могут решаться с опорой на неё. Более того, продвижение в решении научной проблемы переживаний как феномена культуры имеет не только теоретическое, но прикладное и даже практическое значение. Каждая культура выступает как определённая дискурсивная практика или как система таких практик. Культурно-историческое исследование даёт субъекту осознание и переживание свободы, когда другой человек и сам субъект воспринимаются в разнообразных дискурсах культуры. Культурно-историческое знание порождает и развивает когнитивный и ценностный плюрализм, выступает профилактикой какого-то бы ни было абсолютизма. Мы всем серьёзные основания предполагать, что такого рода знание выступает функциональной системой саморегуляции переживаний, функциональной системой свободы, творчества, причём как в теоретической, так и в практической деятельности. Можно быть уверенным, что современные гуманитарные знания всё более историзируются и психологизируются.

Практический психолог, осознаёт он это или нет, выступает в качестве историка индивидуального и культурного развития. Не простая процессуальность, но историзм переживания, историзм сознания — это данные, подчиняющие себе характер действий психолога как человека, настроенного на голос другого человека. Последний же свою напряжённую эмоциональность обретает, разворачивает и влияет на неё посредством исторически трансформирующегося культурного символа. В этом контексте собеседник психолога никак не может быть просто испытуемым. Человек пристраивает здоровье и свою личность, духовность и осмысленность, субъектность и аутентичность в осознании сопричастности и принадлежности к тому огромному движению, которое понимается как история культуры, история жизни. «Конечно, несчастны будут пациенты, если для излечения они вынуждены будут понять Гераклита или Гегеля; в то же время никто не излечится, не будет действительно излечен в самой глубине своего существа, если врачу не удастся высечь в нем огонек духовности», — писал основоположник экзистенциального психоанализа Л. Бинсвангер (цит. по: [166, с. 110]). С этим связана непреходящая актуальность истории и для психолога-исследователя, и для психолога-практика.

В нашем культурно-историческом исследовании имеет место анализ трёх тесно коррелированных осей переживания, которые его конституируют: историческое развитие социальных практик, мультипликация и трансформация артефактов как средств духовной деятельности, расширение и преобразование сферы знаний о переживаниях. Принципиально важной задачей является не просто анализ следующих в истории друг за другом концепций переживания, но анализ практик, порождаемых исторической логикой или исторической случайностью и генерирующих средства,

психологические органы переживаний личности (личности как субъекта формирования отношения к себе, к другим людям, к ситуациям, к жизни в целом). В более упрощённом варианте эта задача может быть сформулирована в виде требования ответить на вопрос: как человек на протяжении веков приводился к тому, чтобы осознавать себя субъектом переживания?

Несмотря на то, что само понятие «переживание» появилось достаточно поздно, факт этот никак не указывает на отсутствие того, что оно обозначает. История философского и психологического осмысления переживаний — огромный пласт человеческой культуры с потрясающим разнообразием интерпретаций своего предмета. Это разнообразие почти не поддается систематизации — до такой степени различны те значения, которые вкладываются в понятие «переживание». Проблема усложняется существованием других понятий, в большей или в меньшей степени использующих пространство значения и смысла, которое можно отнести переживанию. Поэтому и теории переживаний, и отдельные взгляды на них, и само понятие «переживание» нами, скорее, только дедуцируются из богатейшего культурного наследия, что позволяет отвлечься от привычной очевидности изучаемого концепта. Данная дедукция возможна при герменевтически и диалогически настроенном сознании исследователя. В предельно широком понимании переживания выступают предметом всех гуманитарных наук, который, по М. М. Бахтину, определяется как «выразительное и говорящее бытие» [15]. Мир переживаний можно и нужно рассматривать как мир превращенной культуры. Культура превращается в психологические реалии и приобретает живое («выразительное и говорящее») бытие в переживаниях конкретной личности.

Культурное наследие представлено различными артефактами, но прежде всего в виде текстов. Текст как опора всей гуманитарной атрибутики (рефлексивности, диалогичности, эмоциональности, ценностной насыщенности, искренности) позволяет дедуцировать характеристики переживаний, т. к. они не просто выражаются в тексте, но рождаются в нём: «Гуманитарные науки — науки о человеке и его специфике, а не о безгласной вещи, ее естественном явлении. Человек в силу человеческой специфике всегда выражает себя (исходит), а есть создает текст (хотя бы потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки...» [16, с. 477—478].

Данный исторический очерк не претендует «объять необъятное», хотя в этой работе и делается попытка анализировать различные перспективы осмысления категории переживания. Реализация культурно-исторического исследования переживаний осуществлялась посредством следующих принципиальных идей: обусловленность переживаний и представлений о них конкретными историческими социальными практиками; единство непосредственности и социально-психологической опосредованности переживаний (переживания укоренены не только в культуре, но и в психосоматике,

которая вполне никогда не может быть ассимилирована культурой); возможность деятельности переживания на основе культурных артефактов, играющих роль психологических функциональных органов; диалектическое единство переживания и средств его выражения (переживание не выражается в тексте, слове, интонации, жесте, но ими конституируется); позиционирование представлений о переживаниях как моделируемых интерпретациях, более или менее удачно раскрывающих суть и феноменологию изучаемого; способность теорий переживаний, отдельных представлений о них порождать понимание, оказывать воздействие в решении психологических затруднений, быть основой для структурирования внутреннего мира, развития личности за счет активизации персональных переживаний, раскрытия конкретно-исторической специфики личности в той или иной культуре. Последняя идея отражает суть «материализма» конструктивного принципа (выраженного у Н. Тынянова), который делает определённую конфигурацию переживаний доминирующей в конкретной культуре за счёт её жизни, утверждая её потенциал. Культура как квинтэссенция исторического опыта объединяет людей, они общаются и переживают на основе общего смыслового пространства, культура через коммуникацию, совместную деятельность в переживаниях обретает естественные способы личностного бытия. Однако в сложных, противоречивых социально-психологических условиях каждая такая конфигурация переживаний обладает как функциональным, так и дисфункциональным потенциалом, что объясняет ее сменяемость на историческом пути.